

На правах рукописи

Ковалева Лариса Ивановна

**ГЕНДЕРНАЯ ИГРА:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Красноярск - 2011

Работа выполнена на кафедре философии
ФГОУ ВПО «Красноярский государственный аграрный университет»

Научный руководитель кандидат философских наук,
доктор культурологии, доцент
Городищева Анна Николаевна

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Минеев Валерий Валерьевич
кандидат философских наук, доцент
Демина Нина Александровна

Ведущая организация: Сибирский государственный
технологический университет
кафедра философии

Защита состоится « 28 » июня 2011 г. в 14:00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.099.17
при Сибирском федеральном университете по адресу: 660049, г. Красноярск, ул. Ленина, 70

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Сибирского федерального университета

Автореферат разослан « ___ » мая 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета:
кандидат философских наук, доцент

М.А.Петров

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы

Современное общество движется в русле трансформационных процессов, результаты которых отразились на функционировании социальных институтов и вызвали к жизни новые социальные практики и явления. В «резонанс» с ними вошли объективные противоречия исчерпавшей себя модели гендерных отношений, которые вывели на новый виток радикальные трансформации в гендерном самосознании и гендерной системе общества XXI века.

В формате постнеклассической методологии расширяется горизонт проявления человеческой субъективности. Ее «реабилитация» состоялась в конструировании новой многомерной формы субъективности – гендерной. На это место деконструируются фундаментальные принципы классического мышления – бинарные оппозиции, в которых скрыта репрессия различных проявлений личностной самореализации в границах пола. Переосмыслен ряд социальных констант, в первую очередь – классическая «половая проблема». Ей на смену пришла парадигма феминизма и «гендерных исследований».

Глобальный поворот в понимании общественных процессов от статики к динамике синхронизируется с методологией синергетики, постулирующей неравновесность и неустойчивость мира, расширение диапазона свободы, то есть диапазона игры. Игра как аттрактор, область притяжения социальных процессов, функционирующих в стохастическом режиме, встраивается в механизм развития, происходящий через неустойчивость, случайность, бифуркации. В мировоззрении существенно возрастает, присущий бытию игры, онтологический статус случайности. Игра как одно из важнейших средств, преобразующих связи бытия, оказалась востребованной в качестве ведущей «технологии» деконструкции «гендерной системы». Вместе с тем игра выступает фундаментальной связью, поддерживающей согласованное бытие социальных индивидов.

«Игрологический ренессанс», определивший вектор философского дискурса постмодернизма, специфически повлиял на ментальный потенциал современной эпохи. Наряду с ценностями свободы и возрастанием роли семиотического опосредования сегодня культивируется сужение зон опытных форм и расширение зоны виртуальных, «незавершенных» форм отношений. В результате стирания грани между игрой и серьезным смещаются смыслы в оппозиции «игровое – неигровое» в сторону либо «одного», либо «другого», изменяя тем самым координаты социальной онтологии как отношений между людьми, так и самой игры. Сложности транзитивной ситуации фокусируются в тезисе о распаде объективности и разрушении реальности, что не может не отражаться на важнейших параметрах жизнеосуществления человека – гендерной социализации и идентификации. Между тем воспроизводимость динамической, становящейся, меняющейся реальности обеспечивается в игре. Очевидно, что конструирование новых форм опыта делает необходимым анализ гендерно-игровых структур в структуре общественных отношений.

Социальный формат бытия гендерной игры содержит неисчерпаемый эвристический потенциал для ее социально-философского анализа и экспликации в системе общественных отношений. Но исследование гендерной игры входит в особый класс проблем, который проявляется как дефицит методологического корпуса и недостаточность теоретической проработанности категорий и позиций. Проблема задается кризисом западно-европейских гендерных исследований и, в частности, противоречиями во взглядах на постановку и решение гендерных проблем, возникшими в кругу теоретиков феминизма. При этом, в целом, гендерный подход признается перспективным направлением исследования динамики различных социальных феноменов и процессов. Он активно разрабатывается в социальном и гуманитарном знании, поскольку имплицитно содержит широкие возможности для переосмысления культуры и современного общества.

Что касается российской науки, то процесс ее вхождения в контекст европейской гендерной теории противоречив. Проблема в том, что многие ее положения, в силу социокультурной и эпистемологической иноконтекстуальности, вызывают в одних случаях «гносеологический ригоризм», а в других – некритичное применение, когда дискурсивная «всеядность» становится одной из попыток компенсировать дискурсивный дефицит. В целом, теоретический дискурс стал в отечественной науке более открытым и находится в процессе освоения множества социальных теорий различного происхождения.

Мировая наука, с не меньшим трудом ассимилируя новые категории, продолжает говорить на языке «классики». Это означает, что гендерные исследования останавливаются на пороге терминологических споров, отставая от темпа социальных процессов, требующих оперативного включения в них аналитического аппарата философии.

Поставленная таким образом проблема актуализирует исследовательские программы, обращенные к «неклассической методологии», способной в новом ракурсе и в контексте новой аргументации формулировать и решать современные мировоззренческие проблемы. Мы представляем концепцию гендерной игры в качестве альтернативного подхода к объяснению магистральных тенденций развития отношений мужчин и женщин в современном обществе.

Степень разработанности проблемы

Игра и пол/гендер достаточно широко представлены в философском и гуманитарном дискурсе. Социально-политические аспекты игры в отношениях полов восходят к Платону и Аристотелю. Теологическую спецификацию пол и игра получают у А. Августина и Ф. Аквинского. Ренессанс задает гуманистический ракурс игре и отношениям полов в произведениях М. Монтеня, Э. Роттердамского, Т. Мора и Т. Кампанеллы. В философии

Нового времени анализ пола резонирует с дискуссией о «естественном праве» и «общественном договоре» Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо. Д. Дидро обращается к театрализации общественной жизни. К феномену игры и пола обращаются И. Кант, Г. Гегель, Л. Фейербах. К. Маркс, Ф. Энгельс, Г. Зиммель, Е. Дюринг, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше.

Диапазон анализа игры и пола/гендера расширяет психология А. Адлера, В. Райха, З. Фрейда, Э. Фромма, К. Хорни, К.-Г. Юнга. Ключ к пониманию сущности гендерной игры дали работы А. Менегетти, Дж. Морено, К. Уилбера.

Социальную направленность имеют теории игры и пола/гендера Ж. Батая, Ж. Деррида, Ж-Ф. Лиотара, Г. Маркузе, М. Мид, Б. Рассела, В. Райха, З. Фрейда, М. Фуко. В предметном поле социологии гендер и игру анализируют Г. Блумер, П. Бурдьё, Н. Луман, Т. Парсонс, Н. Смелзер.

Социокультурные и ролевые аспекты игры и гендера рассматривают Э. Берн, П. Бергер и Т. Лукман, И. Кон, Н.Д. Левитов, Дж. Мид, Дж. Морено, Т. Парсонс. Особую методологическую ценность представляют концепции Г.-Х. Гадамера, И. Гофмана, Р. Кайуа, М. Киммела, Х. Ортеги-и-Гассета, М. Хайдеггера, Э. Финка.

Парадигмальные исследования игры представлены: в анализе культуры Й. Хейзинги, Ю. Лотмана, искусства Х. Ортеги-и-Гассета, Х. Гадамера; проблем человека – Р. Барта, Х. Борхеса, Ги Дебора, Р. Кайуа, Э. Финка; эстетики – М. М. Бахтина, Ю.М. Лосева; языковых игр – К. Апеля, Л. Витгенштейна, Ж. Делеза, Я. Хинттики. Феномен игры анализируют Т.А. Апинян, Ю.А. Левада, К.Б. Сигов, Н.А. Хренов, М. Эпштейн.

Постструктурализм переосмысливает игру и сексуальность в работах Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза, Ж. Деррида, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартра, М. Фуко, М. Хайдеггера. Ведущей становится идея «языковых игр» Л. Витгенштейна К. Апеля, Ж. Деррида, Ж. Делёза, Я. Хинттики и др.

Современные гендерные исследования представлены в работах Э. Бадентэр, Дж. Батлер, Р. Брайдогги, С. де Бовуар, Ю. Кристевой, Т. де Лауретис, Э. Сиксу, Б. Фридан, К. Хорни, Н. Чодороу и др. В России интересны работы О. Ворониной, А. Дугина, И. Жеребкиной, О. Здравомысловой, И. Клеменковой, М. Эпштейна.

Социально-философский и социологический подход к действию – социальному, коммуникативному, игровому – раскрывается в работах М. Вебера, Ю. Левады, Т. Парсонса, Ю. Хабермаса.

Проблема реальности анализируется в работах Н. Бердяева, П. Бергера и Т. Лукмана, Д. Бомы, П. Бурдьё, Д. Винникотта, Э. Гуссерля, Э. Дюркгейма, М. Мерло-Понти, А.Н. Уайтхеда, А. Шюца.

Теоретико-методологические аспекты феноменов пола/гендера и игры в достаточной степени разработаны, но рассматриваются вне связи друг с другом и дают о гендерной игре фрагментарное представление. Не разрешенной остается проблема собственно гендерной игры как социального явления, социальной реальности и философской категории. Это делает выбранную тему актуальной и открывает в ней исследовательские перспективы.

Объект исследования – гендерная игра.

Предмет исследования – социально-философская экспликация гендерной игры.

Цель исследования: показать гендерную игру в статусе феномена и реальности; выявить механизмы и закономерности функционирования феномена гендерной игры в бытии человека и социальной сферы общества, обосновать и легитимировать гендерную игру в качестве философской категории. Доказать, что существующие в обществе отношения имплицитно содержащие игровые интенции, промаркированы полом/гендером и синтезируются в феномене гендерной игры.

Задачи исследования:

1. Зафиксировать участие гендерной игры в дискурсивных практиках, обращенных к анализу человека и общества; прояснить основания и характер связей гендерной игры с социально-философским дискурсом, инициирующим ее теоретический анализ; выявить характер культурно-исторической и социальной обусловленности игры гендером и гендера игрой.

2. Легитимировать гендерную игру в пространстве социальной философии. Обосновать использование методов анализа и способов конституирования гендерной игры в социальной философии.

3. Ввести понятие «гендерная игра», раскрыть его социально-философский смысл. Показать, что семантическая полимодальность гендерной игры предполагает разграничение уровней понимания ее как феномена и его социальной репрезентации. Конструирование понятия «гендерная игра» предполагает применение двух процедур. Феноменологической дескрипции, нацеленной на описание ядра – пола/гендера и игры, то есть описание того, что невозможно исследовать аналитическими способами. И процедуры определения с использованием логических средств, основанной на принципе отбора необходимых и достаточных связей, составляющих «предметное» значение гендерной игры как социальной реальности.

4. Показать, что саморазвитие гендерной игры в пространстве и времени как феномена, как создание им «искусственных» органов собственной репрезентации – мыслительных конструкций, образующихся в ментальных пластах культуры, позволяет выйти к гендерной игре как социальной реальности. Другими словами, осуществить перенос с «содержания впечатления» о гендерной игре на содержание ее социального существования.

5. Выделить аналитические элементы в «конструкциях» гендерной игры, дающие представление о ней с точки зрения генетически-эмерджентных и аддитивно-координационных свойств. Объяснить их смысл и значение для понимания природы исследуемого объекта. Раскрыть содержание каждого из входящих в состав гендерной игры конструктивных элементов.

6. Показать гендерную игру как непосредственную проекцию игровых модальностей на отношения полов, воссоздающую и моделирующую широкий спектр общественных отношений. Выявить характер влияния гендерной игры на формирование и функционирование социальных институтов и практик.

Методологические и теоретические основания исследования содержат идеи и принципы социальной философии и теоретической социологии; структурный и функциональный подходы, сравнительный анализ, междисциплинарный подход; теории игры и пола/гендера; теории социального действия, ролевые теории.

Общую методологическую основу исследования определяет диалектический метод, позволяющий проанализировать гендерную игру с позиций логики взаимодействия природного (пол), социокультурного (гендер) и идеального (игра), а также рассмотреть в ней единство естественноисторического и социокультурного, социального и индивидуального, «необходимости» и «случайности».

Основным теоретическим источником феноменологического анализа гендерной игры выступила феноменология Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти; в контексте социального конструирования реальности – феноменологическая социология А. Шюца, а также П. Бергера и Т. Лукмана. Феноменологическая теория социального конструирования реальности показывает «искусственный», то есть конструируемый, характер социальной реальности, ее смысловое строение и таким образом «гуманизирует» социальную реальность, показывает возможности человека в процессе ее освоения.

Методология синергетического подхода позволила показать, что внутри социальной системы общества гендерная игра выступает имманентным «пусковым механизмом» процессов ее трансформации и самоорганизации. В гендерной игре отношения полов выходят за рамки предсказуемости традиций и социально установленных норм, флуктуируют, вынуждая индивидов делать выбор между альтернативами. Процесс эволюции гендерной игры, как открытой системы, ведет к самоорганизации гендерной системы, в результате чего возрастает степень упорядоченности социальной реальности и усложняются структуры самой игры. Синергетика объясняет гендерную игру со стороны сложности, темпоральности, множественности.

Проблемное поле гендерной игры раскрывает герменевтический метод через понимание как универсальный способ освоения познаваемого объекта, который включает наряду с теоретическим способом, различные формы практики. Акцент ставится на сохранении аутентичности текста в процессе его интерпретации.

В исследовании апробирована методология гендерного подхода, представляющего собой методологию междисциплинарного направления социогуманитарного знания – гендерных исследований. Эта стратегия позволила проанализировать комплекс существующих в культуре представлений о мужественности и женственности, динамику социальных институтов брака и семьи и положение мужчин и женщин в обществе, а также идеологию и политику, способствующую либо препятствующую достижению гендерного равенства.

Научная новизна исследования состоит в обосновании принципиального положения о феноменологическом разделении гендерной игры. С одной стороны, она рассматривается как содержание индивидуального сознания, как самоочевидность бытия человека. Поэтому смыслы и значения позволяют приписать ее статус феномена. С другой стороны, гендерная игра – феномен, который является аспектом социального мира. Как факт/событие общественного сознания, мысленная интеграция разрозненных институциональных процессов, сопряженных с культурно-исторической сконструированностью, гендерная игра достигает своего предельного осуществления в статусе гендерно-игровой реальности. Заявлено, что гендерная игра как реальность, происходящая в сопряжении с изменением игровых и гендерных стратегий индивидов, представляет собой фундаментальный процесс, разворачивающийся на всех уровнях общественной системы, оказывает глубокое влияние на ход и вектор современных процессов социальных трансформаций и формирование ведущих тенденций отношений в обществе.

Положения, выносимые на защиту

1. Представлена теоретическая модель гендерной игры, ранее не выделявшейся в качестве формо- и смыслообразующей матрицы, структурирующей отношения как между индивидами, так и в обществе. Подтверждено, что рефлексия над гендерно-игровой реальностью в истории философского знания инициировала социальный дискурс о человеке и обществе. В качестве феномена гендерная игра «проявляется», объективируется в игровой реальности, которая потенциально возникает в топосах социального пространства, прямым образом связанных с маскулинно-феминными взаимодействиями.

2. Гендерная игра показана как феномен, изоморфный природе игры и природе гендера, как «точка сборки», в которой пересекаются сфера игры, как один из модусов отношений полов, и гендерные отношения, имеющие, в свою очередь, игровую природу. Игровой элемент, имманентный отношениям полов, в процессе человеческой истории инициировал «квантовый скачок» этих отношений из природной плоскости – пол в социальную – гендер. В свою очередь, гендер, будучи имплантированным, в теле игры объективируется, раскрывая новые, социальные стороны отношений полов. Доказано, что именно социокультурная ипостась пола, широко демонстрируемая человеком в игре, определяет гендерную игру, и как явление социальной истории человека, и как общественное явление.

3. Выявлена и обоснована социальная сущность гендерной игры, субстанцией которой выступает феномен социальности. Гендерная игра, ассимилировавшаяся в систему общественных отношений, уже в качестве их субстанциального основания, проявляет свою социально-ролевую сущность и социокультурную обусловленность. Установлено, что на переходных ступенях общественных отношений и при определенных социально-исторических условиях взаимодействия мужчин и женщин осуществляются в форме гендерной игры. Опреде-

лено, что эти отношения носят функциональный характер, благодаря чему включается ролевой «механизм» реализации пола/гендера, продуцирующий различные смысловые проекции гендерной игры.

4. Гендерная игра показана как полимодальная и парадоксальная реальность. С точки зрения методологии синергетики на гендерную игру распространяются принципы нелинейных систем, в которых организация возникает за счет локальных взаимодействий между элементами, которые «запускают» внутренний механизм самоорганизации. Игра как аттрактор, притягивает к себе множество траекторий связей и отношений динамической системы социума. В игре индивиды накапливают энергию изменений, которая затем расходуется ими в социуме. Игра нарушает динамическое равновесие системы общества, ставит ее субъектов перед выбором стратегии и тактики поведения. Но как самоорганизующаяся система, гендерная игра поддерживает согласованность социального бытия. Постмодернистский смысл гендерной игры заключается, если не в деконструкции, демонтаже сложившихся в социуме гендерных конструкций, то в ослаблении жесткости их связей. С точки зрения методологии системного подхода гендерная игра организуется под воздействием внешнего управления со стороны социокультурных детерминант. Гендерная игра представлена в социальной реальности объективно, будучи обусловленной существующими отношениями в экономической, политической, духовно-нравственной и социально-демографической сферах жизни общества.

5. Показано, что гендерная игра, имея информационно-коммуникационную природу, выступает социокультурной альтернативой всему, что относится к «естественным», природным, то есть половым отношениям. Гендерная игра включает в свой объем архетипы пола, архетипы игры, социальное и коммуникативное действие, габитус, культурные коды и символы, отношения родства, отношения власти. Игра и гендер пересекаются, образуя гендерную игру, в точке перформанса – представления.

6. Впервые в исследовании гендерных аспектов социальной реальности соединены гендерная методология и методология игры. Показано, что применение гендерно-игрологического анализа в отношении человека и общества не только видоизменяет общую концепцию их генезиса, но и позволяет построить принципиально иные объяснительные модели их социально-исторического развития. Доказано, что концепт «гендерная игра» обладает онтологической наполненностью, и как средство, организующее способы видения реальности, выступает перспективной областью философского анализа и может претендовать на статус социально-философской категории.

Теоретическая значимость исследования состоит в обосновании ключевых вопросов социально-философского статуса гендерной игры. Выявлен ранее не исследованный феномен, представлена новая реальность и введена соответствующая дефиниция, позволяющая изменить ракурс философской интерпретации смысла и сущности человеческих отношений во всех сферах общественной жизни. Анализ различных уровней гендерной игры позволил систематизировать представления о ней в философском пространстве мировоззрения, а также более глубоко раскрыть процессы, происходящие в современном обществе. Результаты, полученные в исследовании, могут претендовать на специальный – гендерно-игрологический – раздел в структуре философского знания.

Практическое значение работы заключается в использовании результатов и выводов исследования для более глубокого понимания, а также адекватной и объективной оценки тенденций и вектора гендерно-игровых трансформаций в общей социально-экономической и культурной ситуации современного общества. Гендерно-игровая стратегия позволяет расширить формат обоснования способов преодоления возникающих в ходе социальных трансформаций кризисных явлений и негативных тенденций, распространяющихся на функционирование семьи и все формы отношений мужчин и женщин в обществе. Конкретные результаты и выводы могут быть использованы в качестве теоретического каркаса в разработке программ гендерного воспитания, консультативной помощи семье, в работе с подростками и юношами в учебных заведениях и общественных организациях, в практике социальной адаптации для так называемых «маргинальных» гендерных групп.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации прошли апробацию в выступлениях и докладах на научных конференциях. По теме диссертации издано 18 статей из них – 3 в журналах, рекомендованных ВАК. Общий объем публикаций составил 12,5 п. л. Теоретический аспект проблем игры и пола/гендера апробирован в спецкурсах «Гендерные аспекты развития человека» и «Игра в фокусе психологии и философии» (1995–2005 гг.); отдельные идеи были разработаны в дипломных работах студентов Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. Прикладные направления апробировались в лекциях для работников системы образования (г. Красноярск, 1998 – 2005 гг.); в публичных чтениях на базе научной библиотеки (г. Красноярск 2010 г.); «Днях славянской письменности и культуры» в рамках IV краевых музейных научно-образовательных чтений (г. Красноярск, 2009 г.). Некоторые аспекты темы рассматриваются в курсе «Философия» в дисциплинарном модуле «Человек и общество» для студентов Красноярского государственного аграрного университета.

Диссертация обсуждалась на кафедре философии Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск, декабрь 2010 г.); на кафедре философии Сибирского федерального университета (Красноярск, апрель 2011 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, шести параграфов, заключения, списка литературы.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования; представляется диапазон взглядов на исследуемый объект; характеризуются объект и предмет исследования; формулируются цели и задачи работы, ее методологическая основа, научная новизна и положения, выносимые на защиту; раскрывается теоретическая и практическая значимость; обозначены аспекты апробации исследования.

В **первой главе «Синтез феноменов игры и пола/гендера в процессе дискурса о гендерной игре»** показаны основания трансформации представлений о феноменах игры и пола/гендера¹ в философском дискурсе. Проанализированы и обобщены основополагающие концепции и фундаментальные идеи, в которых феномены игра, пол/гендер выступают в качестве иницилирующих становление гендерной игры как социальной реальности.

В первом параграфе первой главы **«Игра и пол/гендер в дискурсивных практиках классической европейской философии»** исследуется генезис и динамика философского дискурса о феноменах игры и пола, их эвристический потенциал, задающий предпосылки теоретического дискурса о гендерной игре.

Одним из первых о «прекраснейших играх» мужчин и женщин заговорил Платон. Он определил правила и роли, зафиксировал социальный статус, впервые выделив игру как способ социального бытия. Показано, что социально-политический дискурс игры и пола/гендера выступает инструментом регулирования социальной практики, а также маркером и индикатором ее противоречий. Отмечается связь правил игры и законов государства. Смысл социальной игры заключен в тезисе Аристотеля «менять маски и играть свою роль», то есть «быть одним, а казаться – другим». Показана синкретичность, «слитость» роли пола и социальной роли. Обозначены диаметрально противоположные взгляды на семью. Платон считал ее центром политических и экономических разногласий мужчин. Аристотель выделял семью в качестве основы государства. Дан опыт разделения сфер – публичной как мужской и приватной как женской. В этическом дискурсе стоиков внимание фокусируется на внутренних аспектах нравственности как императиве отношения к другому полу – супружеские отношения (Плутарх) и своему собственному полу, как сохранению половой идентичности (Сенека). В античном дискурсе зафиксирована онтологизация патриархального мышления.

Религиозный дискурс средневековой философии переносит акцент с политико-экономических на нравственно-этические аспекты брака. Августин легитимирует роли супруга и супруги. Христианский дискурс в резонансе с мифом о грехопадении гипертрофирует оппозицию «мужское – женское». Аквинский абсолютизирует маскулинную власть и «естественную» иерархию полов. Дискурс куртуазного канона иницирует новые – любовные – игры и, соответственно, новые – сексуальные – маркеры женских и мужских ролей.

В гуманистическом дискурсе Ренессанса роль обозначена как социальная «маска» и разделяется социальная роль и роль в игре. В философии обсуждается развернутый репертуар игр полов. Внутри социальных институтов церкви, семьи, брака, науки их описывает Роттердамский. Он предупреждает мужчин о надвигающейся смене ролей, поскольку наряду с обычным, буржуазным типом женщины, появился *«нарождающийся»* тип целеустремленной и образованной женщины. Монтень показывает игры в приватной сфере – супружеские, брачные, сексуальные. Он замечает, что игра начинается там, где появляется «женское». По Лабрюйеру, человек – часовой механизм, а его жизнь – движение по кругу игр. Отношения полов в обществе – серьезная, холодная расчетливая и напряженная игра.

Новое время вводит в дискурс проблему исторически обусловленных законов социума, в которые вписывается проблема отношений полов. Гоббс, Руссо, Локк в центр обсуждения ставят естественно-исторические критерии естественного права и общественного договора. На их основе интерпретируется природа равенства/неравенства в отношениях полов, природа мужской власти и доминирования, политико-правовая обусловленность брачного договора и супружеского права, легитимность патриархальной власти. Пролонгируется дискурс эгалитарного либерализма. Дидро показан парадоксальный смысл социальной игры как необходимость исполнения роли, предназначенной обществом. В игровой стихии «разорванное сознание» игрока утрачивает достижимость гармонии между нравственным и естественным, между благом общественного целого и стихийным эгоизмом.

Немецкая классическая философия маркирует игру в отношениях полов категориями «прекрасного» и «возвышенного», «рассудка» и «разума», «долга и поступка» уже с позиций теоретического дискурса у Канта. Дискурсивный диапазон расширяет Гегель, включив в анализ различий между полами социокультурную, символическую и ментальную составляющие, а также диалектическое единство и противоположность объективного и субъективного в духовной жизни полов. Единство мужского и женского начала как экзистенциальная потребность в *Другом* артикулируется в антропологическом дискурсе Фейербаха.

Марксистский политико-экономический дискурс рассматривает пол как класс, а разделение полов в резонансе с категориями «производство», «воспроизводство», «эксплуатация», «труд», подразумевающими доминацию маскулинного начала. Показан объективно-исторический характер смены правил и ролевых статусов в социальной игре мужчин и женщин. Выделяется важный момент «сцепленности» социальной, классовой и гендерной роли.

¹ Система «пол/гендер» в качестве понятия введена Гейл Рубин в работе «Обмен женщинами: заметки о «политической экономике» пола», изданной в 1975 г. // Rubin Gayle. The Traffic in Women. Notes on the «Political Economy» of Sex// Toward an Anthropology of Women/ Ed. by R. Reiter Rapp. New York:Monthly Review Press, 1975.

В иррационалистическом дискурсе конца XIX в. значимые позиции заняли «инстинкт», «род», «переживание», «чувство», «воля», а вектор анализа истории общества и культуры развернулся в сторону женского начала. Игра как аналог, модель, аутентичное выражение сущности отношений полов эпохи модерна, обрела иррационалистический оттенок. В дискурсе воли рода Шопенгауэра нашла отражение сущность амбивалентной игры и серьезного в проявлении полового инстинкта у обоих полов. Ницше показал два полюса игр женской эмансипации: игра с образом «совершенной женщины» и игра на понижение «женственности» в женщине. Акцент у Ницше ставится на том, что игра способна достигнуть в жизни любого человека предельной глубины серьезности.

Таким образом, показано, что классический дискурс о гендерной игре ассимилировал трансформации представлений о природе, смысле и сущности отношений полов. Делается вывод о смене ракурса видения игры и пола в каждую историческую эпоху, обусловленной действием дискурса. По мере углубления в анализ социальной реальности дискурс о гендерной игре наполняется социальным содержанием, включает в себя широкий круг ее проблематизаций.

Во втором параграфе первой главы *«Игра и пол/гендер в дискурсивных полях современного знания»* рассмотрены постмодернистские дискурсы об игре и гендере.

Показано, что одну из ведущих теоретических позиций в XX в. занимает психоанализ. Открытие Фрейдом *Libido*, бессознательного иррационального начала как «истинно реального психического», включающего энергию, экономию желаний, сексуальность, задает иной вектор представлений о сущности пола, а также выводит на качественно новый виток толкования роли игры в отношениях полов.

Отмечается, что игровая форма сублимации сексуальной цели в культурные формы открытая Фрейдом, имеет эвристическую ценность в истории трансформации половых отношений в гендерные. Юнг показал, что разрешение конфликта между «природой» и «культурой», между индивидом и постоянно прогрессирующей социальной функцией происходит в игре. Одним из «механизмов» гендерной игры, по Хорни, выступает идеология обоюдной «неполноценности», порождающая игры «комплексов», садомазохистские сценарии отношений, начиная с интимных межличностных, и заканчивая сценариями игр в обществе. Правила игры диктует переоценка маскулинности/феминности, исходящая от обеих сторон, она же определяет нарциссические, перфекционистские и надменно-мстительные сценарии игры на арене реальности культуры. По Фромму, социум порождает игры полов, основанные на бессознательном переживании страха уязвимости. Различия переживаний продуцируют различия в сценариях: мужчины играют по сценарию «экзамен», женщины – «кастрация». Адлер рассматривает неравенство полов как «социальный миф», «социальную игру», сформировавшиеся в процессе дискурса о полярности гендерных позиций «мужское/женское». Дискурсивные «мифы» и «игры» наделяют мужчин и женщин признаками ролевого совершенства/несовершенства. Психоанализ по оценке Фуко, осуществил трансгрессивный переход дискурса «за» и «сквозь» предел пола, актуализировав игровые модальности, превращенные формы сексуальности, гендеризированные сценарии.

В постмодернизме психоаналитические конструкции деконструируются в соответствии с новой методологией и иным характером обсуждаемых проблем. Бодрийяр анализирует дискурс, инициирующий игру, соблазн и сексуальность как элементы «механизма» симуляций пола, как механизмы символического обмена, восходящего к архаическим традициям. Распад жестких структур пола описан в терминах игры и соблазна.

Фуко объявляет сексуальность социокультурным репрезентантом пола в эпоху постмодерна. Она выступает в качестве «чрезвычайно тесного пропускного пункта для отношений власти». Игры с сексуальной подоплекой стали элементом публичности, вплоть до политической и духовной сфер. Сам дискурс в неустойчивой и сложной игре отношений мужчин и женщин выступает одновременно и инструментом, и эффектом власти, он ее и транслирует, и производит властные стратегии, имеющие дисперсный, «рассеянный» вид. Отношение «власть – насилие» дискурс постмодернизма сопрягает с политическим контекстом. Надындивидуальный характер власти указывает на «символическое насилие», определенный тип дискурсивной репрезентации насилия, задействованного в социальных гендерных практиках.

Деконструкция (Деррида) и феминизм (Батлер, Брайдотти, де Бовуар, Гиллиган, Кристева, де Лауретис, Рубин, Сиксу, Фридан, Чодороу и др.) в качестве профилирующих дискурсивных направлений выбирают пересмотр «истории женщин» и роли женщин в становлении социальной сферы общества. Постмодернизм настаивает на деконструкции наиболее важных явлений в современной философии и культуре, подвергая критике сами их основания. Критике подвергается главный «порок» предшествующей философии – догматизм, бинарные оппозиции и дихотомии. Одним из «неожиданных» результатов критики стала инициатива изучения природы «мужского» начала, прежде всего феномена отцовства в социокультурных системах (Гидденс, Киммел, Кон, Рассел, Рикёр).

Постмодернистский дискурс об игре вышел за пределы однозначности, в нем отобразилась дихотомия прогресса внедрения «зрелищной технологии» в глубины интимных отношений семьи и в высоты общественных отношений. Проблематика пола трансформируется в проблематику сексуальности и тесно сопрягается с игровыми модальностями. Из человеческих отношений постмодерн сделал предмет игры. Играющее общество у Барта, Ги Дебора и Ортеги-и-Гассета, «общество как драма» Бергера – это «новый» феномен, одним из проявлений которого является катастрофическое положение современных институтов и, в первую очередь, института брака. Кайуа показал: социальные явления, за которыми закреплены те или иные игровые инстинкты, позволяют игре прямо включаться в реальность повседневности. Бодрийяр ассоциирует современное общество с игра-

ми символического обмена и соблазном как атрибутами игры симуляций, воплощением вызова и реверсивности. Эта игра построена на коммутации признаков пола, на половом безразличии в противовес прежней, традиционной игре половых различий.

Перспективное направление современных исследований игры и гендера представляет феминистская теория. Различные направления феминизма по-разному интерпретируют проблемы гендерных отношений. Но объединяет их игра противостояния маскулинным дискурсам и практикам, патриархальным взглядам на женское. Реабилитация женщин направлена на деконструкцию патриархального дискурса, пересмотр истории и дополнение ее фрагментами о женщинах.

Гендер в семиотике Лотмана представлен как пространство социокультурных кодов пола, а игра полов – как внесение «вариативности в структуру от природы ее лишенную», как обмен знаковыми функциями.

В «интегративном подходе» Уилбера вопрос о том, обладают ли мужчины и женщины разными, пусть дополняющими друг друга, типами духовности, решается как признание иерархии, поскольку патологическую мужественность нельзя преодолеть патологической женственностью.

Философия XX века выступает продолжением античной игры мужского и женского начал уже в новом формате и по новым правилам. По Ортеге-и-Гассету, абсолютизация мужского начала в истории западной культуры зиждется на распространенном недостаточном понимании связи между абстрактным и конкретным. Решение многих проблем современного общества лежит в плоскости гендерной игры, в которой каждый пол/гендер может впустить в воображаемые отношения со своей собственной историей, которая на самом деле – гипер-игра.

Во второй главе «Социально-философские основания анализа гендерной игры» рассматривается проблема познания, раскрываются способы легитимации феномена гендерной игры в пространстве социальной философии. Обосновывается использование методов анализа феномена, способов его конституирования в статусе философской категории. Вводится новое понятие «гендерная игра».

В первом параграфе второй главы **«Гендерная игра: проблема познания и постижения»** проясняются методологические основания анализа, решается вопрос о принципах постижения и обоснования способов познания, которые диктуются социальным статусом исследуемого феномена и степенью его включенности в различные исследовательские программы.

Философия «гендерной игры» заявлена как новый аспект анализа человека и общества. Гендерная игра присутствует в бытии человека и бытийствует в различных областях общественной жизни, но до настоящего момента не была выделена в качестве объекта исследования. Гендерная игра входит в привычные представления, но как бы «раздваивается», примыкая, то к игре, то к гендеру, поэтому известна в опыте как синтез эмпирических объектов. В ракурсе теоретического анализа она предстает как «*tabula rasa*». Нелегитимность ее философского статуса предьявляет особые требования, как к процедуре, так и к методам и теориям, которые рассматриваются в качестве оснований ее анализа.

Авторская позиция основана на социальной идентичности гендерной игры, которая определяется в границах собственно человеческой, культурной, социальной природы, чем объясняется ее специфика и отличие от базовых феноменов игры и пола, принадлежащих к широкому кругу явлений, в диапазон которых включены, например, «игра волн» или «пол» растений.

Познание гендерной игры осуществлялось посредством обращения к различным аспектам классической и неклассической социальной методологии, основанной на анализе действия синергетических механизмов в общественном развитии. Смысл и значение гендерной игры определялся как отношение непосредственного, феноменального поля игры к опосредованному, включающему в себя реальность человеческого существования в обществе, контексту гендерных отношений.

Автор дает обзорный анализ основных подходов к исследованию феноменов игры и пола/гендера. Выделяются парадигмальные направления внутри гендерного подхода. Делается вывод о том, что междисциплинарные исследования гендера охватывают различные области научного знания, но существенный вклад внесен философией пола и социологией пола, гендерными исследованиями, а также ролевыми теориями, теориями игры и социального, игрового и коммуникативного действия.

Теоретической базой выступил драматургический интеракционизм И.Гофмана, рассматривающий социальные взаимодействия как механизм создания гендера и средство для выражения гендерной идентичности. На признаки «гендерной игры» указывают социальные взаимодействия «лицом-к-лицу» как «естественное» проявление сущности биологического пола акторов. В работе использовалась системно-методологическая установка Левады – «игровая структура» как «сложное, расчлененное, разноплановое образование».

В познании гендерной игры автор использует средства, коррелирующие с общеметодологической установкой исследования, а именно: принцип отбора «фактов» как фрагментов гендерно-игровой реальности, которым руководствуется объективизм; идентификация реальности со связями, которые выделяются как ключевые в анализе сущности гендерно-игровых отношений в структурализме, применяющем к социальному миру реляционный способ мышления.

Легитимация позволила показать новые значения, служащие для интеграции тех значений, которые уже были выделены как свойственные различным гендерно-игровым процессам. Анализируются объективации «первого порядка», то есть лингвистические объективации игрового опыта дотеоретического уровня, который является основой самоочевидного «знания», на которой должны надстроиться все последующие теории. Это

уровень, которого должны достичь все теории, чтобы быть включенными в традицию. После чего стало возможным перейти к легитимации, выходящей за пределы практического применения игрового опыта к «чистой теории», а от нее – к смысловой интеграции практического и теоретического опыта – к «символическому универсуму» гендерной игры.

Экспликация позволила обнаружить константы, постоянные связи между социальными институтами и степенью – по Дюркгейму, «плотностью, объемом» – представленности в них мужчин и женщин. Генетическая экспликация позволила уточнить генезис обусловленных гендерными отношениями социальных институтов, выявить причины, их порождающие, а историческая экспликация – выявить цели и способы функционирования в обществе.

Статус объекта обязывает учитывать закон диалектического соотношения сущности и существования. В зависимости от того, насколько удавалось раскрыть сущность гендерной игры, мы приближались к пониманию смысла существования человека и, наоборот, углубляясь в проблемы существования человека, приближались к сущности гендерной игры.

Автор ставит и решает вопрос о феномене гендерной игры и его природе. Интенсивное проникновение феномена в социальную реальность указывает на его экзистенциальную заданность в человеческом бытии, причастность человеческому существованию. Поэтому познавательные усилия данного исследования были направлены на анализ локусов пересечения игры с бытием человека, обоснование имманентного характера гендерной игры его природе и существованию.

Используются две основные формы анализа: интерпретация и формализация. «Интерпретация заставляет феномен говорить из его собственных глубин, приблизиться к тому, что говорится в нем, но без его участия. Формализация претендует на контроль над феноменом, обуздывая его посредством закона, определяющего то, что возможно сказать». (Фуко) В процессе познания и феноменология, и структурализм тяготеют к сближению, и применены к анализу гендерной игры.

Отмечается, что проблема познания и постижения гендерной игры пересекается с постановкой проблемы познающего ее субъекта, выступающего одновременно и объектом философской саморефлексии. Гендерная игра является и всеохватывающим явлением бытия самого человека, и универсальным объектом его познания. По этой причине из ее экспликации сложно, практически невозможно, исключить фактор участия личностного, субъективного и интуитивного.

Показано, что поворот исследовательского интереса от уровня структур к уровню действий социальных (Вебер, Парсонс), коммуникативных (Хабермас), игровых (Левада), а также к «миру повседневности» (Бергер, Лукман), позволил инкорпорировать идеи социального конструирования реальности в анализ гендерных отношений. Действительность гендерной игры постигается в интенции к неисчерпаемой «возможности», потенции социальных отношений.

Во втором параграфе второй главы *«Гендерная игра»: смысл, значение, понятие»* анализируется полисемантическая гендерной игры как производной игры и пола/гендера, раскрываются их значения, уточняется смысл.

Вводится новое для социальной философии понятие «гендерная игра». Разграничиваются уровни понимания феномена и социальной репрезентации и два вектора: феноменологическая дескрипция – феноменологическое описание его ядра – пола/гендера и игры, то есть того, что невозможно исследовать аналитическими способами; и процедура логического определения, предполагающая принцип отбора необходимых и достаточных связей, составляющих предметное значение гендерной игры как социальной реальности. В конструировании понятия осуществлялся синтез онтологий игры и пола/гендера через обращение к их бытию и раскрытие его как содержащего противоположности реального и идеального, конечного и бесконечного, общего и особенного.

Для гендерной игры, курсирующей на интенсиональном уровне, эмпирическое и методологическое значение имеют социокультурный исторический, коммуникативный контексты, а также языковые игры, нарративы и метанарративы. Был проведен поиск и воспроизведен дискурсивный и теоретический контекст, в котором представлены ключевые смыслы понятий игры и гендера, достаточные для раскрытия содержания понятия «гендерная игра».

Автор обращает внимание на то, что языковые игры инициируются человеком определенного пола, а значит, могут быть экстраполированы на все игры, включая и гендерную игру. В практике взаимодействий языковые игры и гендерная игра имеют множество произвольных точек сопряжения. Языковые игры выступают для гендерной игры как дифференцирующим, так и генерализирующим основанием. Допустимо говорить об онтологической зависимости гендера от содержания и структуры имплантированных в его «тело» игр. Игра здесь выполняет функцию поиска и обнаружения, сцепленных с полом ментальных структур гендера. Представленные в такой плоскости игры, свойства гендера получают новую концептуализацию.

Дефиниция «гендерная игра» содержит сублимированную в ее «теле» единую антропную природу игры и пола/гендера и определяет ее как особое, необходимое и важное явление, организующее жизнедеятельность мужчин и женщин в системе общественных связей и отношений. Категорией «гендерная игра» обозначается полисистема, в качестве элементов содержащая два относительно самостоятельных феномена: игру и гендер, которые в процессе развития культуры и общества, точнее, уже в исходной его точке, синтезировались в принципиально новый феномен, имеющий собственную онтологию, отличную от «родительской».

В понятии «гендерная игра» выделен важный аспект, обращенный к взаимообусловленности игры и гендера. Гендер как «представление себя» (Гофман), как «воображаемое отношение», и игра как одновременно и воображаемое, и сущностное, уже в себе самих содержат свой собственный смысл, они осмысляются и через самих себя, и друг через друга. Гендерное поле как бы «вписано» в поле игры, поэтому гендер впитал в себя смысловые и онтологические модальности игры, а игра, соответственно, социальные свойства гендера. Смысл гендерной игры, с одной стороны, беспредпосылочен и ситуативен, субъективен и интимен, а с другой – культурно и социально детерминирован стереотипами, обычаями, нормами культуры и законами общества.

Автор разграничивает категории «пол», отсылающую к биологической, природной определенности различий между мужчинами и женщинами, и «гендер», обозначающую историко-культурную альтернативу – «виртуальную идентичность», «неопределенную переменную», характеристики которой уточняются не только временем, но в первую очередь социокультурным контекстом. Предрасположенность к гендерной игре содержится в поло/гендерной организации любого общества, посредством которой, по Рубин, «биологический «сырой материал» половой жизни и воспроизводства человека подвергается человеческому, социальному вмешательству и приобретает определенные конвенциональные формы».

Анализируя гендерную игру, автор отмечает, что она не имеет инвариантного смысла поскольку курсирует в «естественном» обращении, апробирована в языке именно с тех сторон, с которыми так или иначе знакома, с которых себя проявила в социальной и коммуникативной практике в качестве феномена. Понятие «гендерная игра» связано с различными значениями, интерпретациями, ассоциациями как научного, так и ненаучного, обыденного характера, тем более что ее присутствие касается близких и знакомых человеку сфер его жизни.

Обзор истории дефиниций «игра» и «пол/гендер» позволил автору сделать вывод о том, что в понятии «гендерная игра» их семантическое пространство не столько расширяется, сколько проникает в социальную сущность игровых отношений с *Другим полом*. Понятие включает полифонию смыслов: социально-политический и этический; эстетические модификации и оппозиции разума и рассудка; «общественная игра» и модусы кокетства и симуляций; языковые игры нарративов и игры номадических субъектов; «игра различий» и «идеальная игра»; игры пропозициональных установок и игра культуры. Понятие «гендерная игра» содержит генетически близкие дефиниции: Эрос, пол, гендер, сексуальность. Каркас гендерной игры образован представлениями о «роли» социальной и гендерной; «действии» социальном, коммуникативном и игровом; правилами и законами.

Гендерная игра – результат синтеза множества конкретных экзистенциальных импульсов в отношениях между мужчинами и женщинами. История их отношений – это жесткая игра, от которой тот, кто, лишен свободы выбора, не может избавиться, и сущность которой – форма существования, заданная полом. Исторические аргументы свидетельствуют о том, что игра выступает как отрицание давления бытия, как путь к свободе. Лингвистические данные подтверждают истолкование игры как чего-то первичного и позитивного.

Понятие «гендерная игра» задает контекст, акценты в котором ставятся на значении игры как «срединного пласта» в вертикальной структуре гендеризированного мира противоборствующих ценностей и начал двух культур – мужской и женской, где сопрягаются их реальный и «перевернутый» миры, миры «превращенных» игровых форм. В категории «гендерная игра» находят выражение отношения между гендерами – мужским и женским – в терминах игры.

Гендерная игра представлена как сложная многоуровневая полисистема, в которой эксплицируются игровые модальности, выступающие основой всего многообразия различных форм отношений полов. Как феномен, как «субъективная» реальность, гендерная игра выходит за границы онтологически «объективированных» взаимодвижений и взаимоотношений мужчин и женщин в объективное пространство социокультурной реальности. Гендерная игра – это целостный социокультурный контекст, который образован обуславливающими друг друга действиями, отношениями и коммуникациями между субъектами разного пола – мужчинами и женщинами, который включает их игровые интенции, объективирующиеся и реализующиеся на уровнях: индивидуальном общественном, а также физическом, психическом и духовном.

Третья глава «Экспликация гендерной игры» посвящена феноменологическому описанию как одному из способов экспликации сущности существования гендерной игры в пространстве социальной реальности.

В первом параграфе третьей главы **«Репрезентации гендерной игры в статусе феномена и социальной реальности»** определяется феноменальное поле гендерной игры и задаются теоретические координаты ее экспликации.

Выделены единицы и аналитические элементы, представляющие объект в двух плоскостях. Первая эксплицирует игру через генетически-эмерджентные свойства: эмерджент, поле, габитус. Вторая относится к гендеру и представляет его аддитивно-координативные свойства: Эрос, пол, сексуальность в структуре аддитивных свойств; социальное, коммуникативное и игровое действие, поведение, реальность – в структуре координирующих.

Допущением выступал тезис о том, что саморазвитие феномена гендерной игры в пространстве и времени человеческой истории, то есть создание «искусственных» органов – мыслительных конструкций, образующих ментальный пласт культуры в структуре общества, – позволяет выйти к гендерной игре как социальной реальности. В теоретическом аспекте осуществляется перенос, сдвиг внимания с «впечатления» о гендерной игре как феномене, на содержание ее социального существования в статусе гендерно-игровой реальности. Фе-

номенологическая редукция позволила представить модель гендерно-игровых отношений в обществе, «очищенную от иллюзий и привычек» обыденного восприятия.

Показано, что эмерджентные свойства игры определяют способность гендерной игры внезапно являть и проявлять новые качества гендерных отношений в структуре общественных отношений. Эмерджентность работает как эвристический принцип, сопрягающий пол с многообразием проявлений игровых форм. «Участие» эмерджентности в эволюции отношений полов определяет и объясняет многообразие проявлений гендерной игры.

Генетические, порождающие свойства игры проявляются внутри «поля» – социального, динамического, семантического, где игра выступает и генератором, и способом решения новых задач. Поле подчинено «готовности людей играть в эту игру, делать ставки в этой игре и признавать законы, присущие именно этой игре». Поля политики, экономики, религии и др. – имеют свою логику, правила, закономерности, и каждое конституирует потенциально открытое пространство игры (Бурдые). «Семантическое поле» является ключом к пониманию глубинных механизмов игрового поведения человека. Игра показывает расхождение между внешними параметрами семантического поля социума и системой убеждений человека. Находясь внутри «системы», человек вынужден надевать различные маски и разыгрывать внешне необходимое зрелище (Менегетти). Показано значение «динамического поля» как пересечения психических энергетических линий, имеющих положительную и отрицательную валентность. Благодаря их синхронизации игрок, который имеет свою валентность, удерживается в поле игры (К. Левин).

Показано, что габитус в структуре генетических свойств воплощен в материально-символическое тело в форме игры, имеет хождение в социальной реальности, определяет чередование проигрышей и выигрышей. Ставка в игре – материальный и символический капитал, господство и власть, престиж и репутация и др. Габитус – индивидуальная игровая стратегия, «чувство игры» и действие предписывающее логику его включения в социальные структуры и институты (Бурдые).

Аддитивно-координационные свойства гендера проявляются в гендерной игре как Эрос, пол, сексуальность. Показано, что феномены сексуальность, Эрос и пол лежат в разных онтологических плоскостях и, будучи обращены либо к духовной, либо к телесной природе, противопоставлены друг другу. Но как проявление реальности – маскулинной и/или феминной, они вложены друг в друга, оформляя единство опыта мужчины и/или женщины. Эротический компонент как латентный «сюжет» неизменно присутствует в гендерной игре.

Показано, что в современных концепциях Эрос утратил онтологическую глубину, превратившись в «эротик», одну из сексуальных «технологий» трансформации человеческой сексуальности в «спектакль». Транстрессивный потенциал Эроса проявился как эротизм – разрыв с общественной и индивидуальной моралью, как перформативность, сублимация и инверсия гендерной роли. Психоанализ заменил Эрос близким по смыслу, но не тождественным – *Libido* – сексуальное влечение, инстинкт жизни. В игре *Libido* получает многообразие форм объективации, его энергия обретает свободу, воплощаясь в сексуальной игре.

В анализе гендерной игры выделены действие, поведение, реальность. Они координируют и обнаруживают поля проявления социальной сущности гендерной игры. Свойство гендера ассимилировать игровые механизмы социальных связей, отношений, взаимодействий, коммуникаций проявляется в репрезентации игровых моделей поведения полов. В гендерной игре мы имеем дело с социальными, социокультурными структурами игрового действия, которые не просто сформировались на различных ступенях общественно-исторической эволюции, но вступали во взаимодействие друг с другом в конкретно-эмпирической действительности и были институционализированы в культурных системах.

Установлено, что гендерная игра резонирует со всеми типами социального действия, показанными М. Вебером. Социальность в гендерной игре выступает субстанцией, как игры, так и гендера. Возрастание «рациональности» в гендерной игре как интенция к социальности связывается с тенденцией маскулинизации исторического процесса. Воплощение в реальности игры и гендерных отношениях «принципа рациональности» является маркером современной гендерной игры. Иррациональные типы социального действия проявляются в «архаичных» сценариях гендерной игры.

Ориентация на *Другого* детерминирует социальное и коммуникативное действие, обеспечивает связь гендерной игры с социальным аспектом отношений общества. Показано, что коммуникативное действие центрировано на поиске консенсуса в гендерной игре, предполагает взаимопонимание. Синтез игры и коммуникации в гендерной игре рассматривается как событийность, когда игра и коммуникация между полами осуществляются на уровне события – вне принудительной каузальности. Подчеркивается, что гендерная игра как один из «вариантов» экспликации социального действия обладает рядом качеств и признаков, и действия вообще, и социального действия. Социальное и гендерно-игровое действия переходят друг в друга в моменте «действия».

Социальная реальность – реальность объективных связей между людьми. Ее иерархический порядок подчеркивает принципиально неоднородный характер структурных элементов гендерной игры в обществе. Социальная реальность характеризуется как структурированная, и в то же время как организованная иерархически. Указывается на принципиально неоднородный характер структурных элементов социальной реальности, в первую очередь на тех из них, которые наделены гендернизированным статусом.

Повседневная реальность – это отношения с *Другим*, по Гофману, Бергеру и Лукману. Как неотъемлемая составляющая, упорядочивающая отношения, в игре рассматривается ситуация «лицом-К-лицу», в которой *Другой* совершенно реален, является частью этой повседневной реальности. В игре «симптомы» реальности

утрачивают актуальность, а восприятие *Других* в ситуации «лицом-К-лицу» представляет собой прототип действительного социального взаимодействия.

Альтернативой реальности выступает предлагаемая постмодернизмом теория симулякров, в которой объективная реальность превращается в символический порядок, в симуляцию, в рамках которой статус знака и статус объекта оказываются неразличимыми, а симулятивные феномены побуждают принимать фальсификацию за реальное. Бодрийяр сосредоточил внимание на социальных сторонах симуляции и выдвинул тезис об «утрате реальности» в постмодернистскую эру, на смену которой пришла «гиперреальность», которая фальсифицирует и субъекта, и его «желания». Реальность носит игровой характер и при этом «скрывает игру». Бытие самой игры осуществляется в мире «скользящей реальности».

В диссертации гендерная игра представлена как специфическая реальность, выделившаяся из широкого спектра игр природы благодаря имманентной способности человека «удваивать» мир, создавать социальные связи и отношения – гендерные, выступающие ее ядром, сущностью.

Во втором параграфе третьей главы **«Интегральное бытие гендерной игры в социальной реальности: модификации и трансформации»** показано, что гендерная игра представлена как специфическая реальность отношений полов – социальных и игровых. Допущение основывалось на тезисе Левады о том, что игра может существовать не только параллельно или в «полях» «открытой» пространственной структуры общества; но может появляться и проявляться в любой точке такой структуры, более того, служить средством ее организации. Вместе с тем в качестве интегративного «механизма» гендерной игры рассматривались социальные роли и социальные институты общества.

Показано, что гендерная игра выступает одной из социальных «технологий», воссоздающих и моделирующих широкий спектр общественных отношений. Современные социальные формы гендерной игры сложились внутри социальных институтов и практик (брака и семьи, образования, политики, религии, культуры, здравоохранения, права, СМИ и других). Гендерная игра активно ассимилируется ими, обретая формы сексуальных и супружеских игр в браке, «игр соблазна» в социуме, «игр власти и контроля» в политике, «игр родитель-дитя» в семье, экономических «игр обмена» и других.

Интегральное бытие гендерной игры апробируется в коммуникативной практике. Коммуникация в гендерной игре содержит различного рода ожидания и претензии к противоположному полу: экономические, властные, сексуальные и т.п. В гендерной игре вербально выражается саморефлексия бытия внутри собственно пола, воспроизводится основная форма межгендерных отношений через посредничество перформативного отношения к *Другому* полу.

Отмечается, что жизненный мир всегда открыт для проникновения в него гендерной игры, для которой человек выступает и репрезентантом, и интерпретатором. Полимодальные характеристики проявления гендерной игры в жизни человека позволяют ему избегать давления социальной реальности, в которой действует принцип «двойного принуждения», отсутствующий в игре. Но это – не освобождение, а свободный переход в другую форму реальности – собственно самой игры и законов бытия ее реальности – добровольное принятие ограничений, накладываемых правилами игры. Чтобы обрести свободу, по Аренд, человек свою деятельность либо разыгрывает, либо превращает в игру.

Другой аспект гендерной игры раскрывается в повседневных взаимодействиях мужчин и женщин, когда вступает в силу синхронизация следования правилам в игре и подчинения законам в обществе. Игра по правилам общества, существующим задолго до индивидуального социального рождения субъекта, есть его вступление в совместную деятельность как перманентный процесс внутреннего принятия им внешних норм должностования и их актуализации в ролевом взаимодействии с другими. Показано, что гендерная игра строится на обоюдном признании уникальности правил игры одного пола другим полом, и в то же время она подчинена единому алгоритму объективных законов социальной реальности.

Выделены факторы, влияющие на установление правил гендерной игры в обществе. Они продуцируются сценариями, в которых находят отражение такие социальные модальности, как экономика, политика, религия, искусство, реклама, мода, дискурс мужских и женских журналов и др.

Гендерная игра проявляется в обществе через посредничество онтологически объемной гендерной роли и ролевые отношения. Гендерная роль – центр притяжения, фокус и фильтр, через который пропускаются и осуществляются все другие роли, которые в своей жизни играет или вынужден играть индивид. Посредством гендерной роли производится «впечатление» на *Другой пол*, демонстрируется и проявляется то, насколько индивид идентифицирован с собственным полом. Гендерная роль структурирована в результате принятия индивидом социально-ролевых ожиданий общества, соответствующих его полу.

Анализ гендерной игры на основе проблематизации роли показывает, что в ситуации дифференциации ролевых сфер (семьи, фирмы, церкви, учебных заведений, правительственных учреждений) исполнение одновременно всей гаммы социальных и гендерных ролей одним человеком часто входит в конфликт. В современном обществе оба пола вынуждены занимать позицию ролевой лояльности и ролевого плюрализма, то есть, упорядочивать свое существование внутри нормативной стратификационной шкалы, детерминирующей престиж их статусов и ролей.

В работе показана связь социокультурной природы гендерных ролевых предписаний с социальной позицией, нацеленной на поддержание и сохранение обществом требований к соблюдению ролевых стандартов. На уровне индивидуального исполнителя роль позволяет соотнести типические качества с уникальностью его

природной и социальной, гендерной структуры. На уровне общего – статусно-ролевая система является матрицей гендерной социальной структуры общества.

Гендерные роли институционализируются в обществе в рамках двух главных функций: производства и воспроизводства; в двух отдельных системах институтов – профессиональной и системе родства; и, соответственно, двух типах ролей: инструментальных – маскулинных и экспрессивных – феминных.

Обращается внимание на внутреннюю сторону гендерной роли – «мужественность» и «женственность», идеалы которых формируют культура и общество, опираясь на специфические характеристики пола. Эти идеалы различны по форме и содержанию в зависимости от исторической эпохи, этнических традиций и т.п., от культурных стереотипов в целом.

Важный компонент гендерной роли – гендерная идентичность, то есть степень осознанности своей мужественности и/или женственности и себя как мужчины и/или женщины. Идентифицироваться с гендерной ролью, означает принять те психологические качества и модели поведения, которые данным обществом приписываются и предписываются в зависимости от биологического пола под влиянием политически обусловленных гендерных идеалов их актуального значения в обществе. Гендерная роль определяется в параметрах устойчивости/динамичности социокультурных стереотипов как соответствия исполнения роли ожиданиям общества. Именно действием стереотипов во многом определены принципы разделения труда между полами, нормативно-правовые аспекты их отношений и круг вмененных и выполняемых обязанностей. Стереотипы, как апробированные социальные сценарии часто становятся предметом игр полов (Э. Бёрн).

Проанализированы исторические прецеденты, повлиявшие на разделение сфер жизни – публичную и приватную, указывающие на промаркированность публичной сферы стереотипом власти маскулинной гендерной роли, обеспеченной легитимными полномочиями во всех социальных институтах. Отмечается, что соотношение приватной и публичной сферы прямо влияет на структуру социальных ролей, на гендерные аспекты занятости и ее специфику, на характер распределения профессиональных ролей полов в кросс-культурной и исторической перспективе.

Отмечается роль традиции, задающей любому действию легитимный, законный порядок, а также санкционирующей то, что определено и эксплицитно является нормативным аспектом социальной системы. Интегральное бытие гендерной игры синхронизировано с системно-функциональным бытием традиций общества. Системообразующая функция традиции и игры направлена на конструирование социума. В исходной онтологии игры традиция выступает в качестве закона, основания и средства формирования социальных сообществ, прежде всего гендерных.

Структурное и функциональное совпадение традиции и гендерной игры в масштабах их действия в социальной реальности эмпирически зафиксировано в трансформации правил игры в традицию и наоборот. Функциональная игра и традиция совпадают в параметрах коммуникации и социальной связи, информационной, социализирующей, компенсаторной, стимулирующей способности обеспечения взаимоотношений людей обоего пола.

Ключом к обсуждению гендерного неравенства являются «ресурсы» как средства накопления и достижения целей в социальном взаимодействии использования власти. Неравенство, гендерная стратификация и асимметрия коррелируют с социальной, гендерной ролью и социальным статусом.

Анализ исторических перемен в динамике гендерного неравенства выявил их связь с изменениями в социальных институтах и практиках. Установление «правил игры» в обществе – рамок, регламентирующих взаимоотношения, задает структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия в политике, социальной сфере, экономике. Гендерная система как инструмент социального контроля, осуществляемого через посредство социальных норм и образцов поведения упорядочивает отношения полов. Начиная уже с раннего детства, человек осваивает пол с позиции его ролевых предпочтений.

В браке и семье, как одном из первых социальных институтов, образованных гендерными отношениями, в формате игр – матримониальных ритуалов, по Бурдые и Фуко, торговли женщинами, по Рубин и др., апробировались сценарии ролевого равноправия и статусного доминирования, регулирования властных полномочий, моделей сексуального поведения, правил табу (Фрейд) и т.п.

С институциональной точки зрения отношения полов являются частной сферой жизни людей, игрой, в которой правила устанавливаются, исходя из интимных предпочтений только двух сторон. Но с социально-экономической, политической и культурно-исторической точки зрения правила этой игры имеют значение в жизни не только отдельного человека, но и всего общества. Трансформация в этой сфере как трансформация интимности и сексуальности экстраполируется на отношения в обществе в целом. Отмечено, что институт семьи и брака переживает сегодня глобальные ролевые и функциональные трансформации, обусловленные многими субъективными и объективными факторами. В первую очередь обозначены изменения в структуре и функциях гендерных ролей – отца и матери, и феноменов – «отцовства» и «материнства». Постиндустриальное общество выносит ценности семьи на периферию, а на их место ставит профессиональную карьеру, статус и престиж, не связанные с браком и семьей. Сегодня распространена позиция толерантности к разновидностям брака и их демократизации.

В диссертации проводится параллель между гендерной структурой и профессиональными ролями и статусами. Технологическая революция во многих профессиях упразднила применение физической силы, что

позволило перераспределить гендерные ресурсы. В этой связи изменяется рынок труда и принципы распределения доходов от профессиональной деятельности. Рынок диктует новые правила в играх обмена.

Гендерная игра охватывает практически все социальные институты и отношения в них: имущественные, профессиональные, демографические, факторы власти, общественное разделение труда, их эмоционально-интимные и нравственные модусы. Производство и воспроизводство жизни распределено между полами и функционирует демографическую сферу и институты, начиная от родоплеменных обществ и заканчивая современным – постиндустриальным, информационным, постмодернистским обществом. Динамика гендерной игры отображается в динамике социальных процессов.

Гендерная игра в резонансе глобализации со сценариями «сексуальных революций», «трансформацией интимности» и женской эмансипации радикально изменила ландшафт социальной реальности. Революция в гендерных отношениях сегодня означает глобальную смену правил социальной/гендерной игры, ролей, игрового пространства, режиссеров, исполнителей, зрителей. Меняются местами ведущие – мужчины и ведомые – женщины. Гендерная игра охватывает практически все социальные институты и модусы отношений в них. Социальные трансформации осуществляются субъектами общества – мужчинами и женщинами. А начинаются они с изменения реальности мужского и женского, реальности их игры.

В заключении диссертации подводятся итоги исследования, излагаются теоретические обобщения и выводы. Отмечается, что как содержательная форма и как способ репрезентации социальной реальности – гендерная игра выявляет различные грани реальности общественной жизни, является ключевым аспектом ее понимания человеком. Гендерная игра вписана в социальное бытие как важный способ реализации внутренней сущности пола, и как внешнее выражение креативности гендера. Тот широкий диапазон, в котором гендерная игра представлена в реальности человека и общества, в функционировании социальных институтов и практик, позволяет делать вывод о ее всеохватывающей онтологии.

Основные положения диссертационного исследования изложены в следующих публикациях автора:

1. Ковалева Л.И. Игрологический ренессанс постмодерна в контексте гендерных отношений. // Вестник КрасГАУ, 2006.– № 15 – С. 344 – 353.
2. Ковалева Л.И. Гендерно-игровые аллюзии психоаналитических образов Зигмунда Фрейда. // Вестник КрасГАУ. – 2008. - № 1 (22). – С. 264 –273.
3. Ковалева Л.И. Компаративистский подход к обоснованию эмерджентной природы феномена гендерной игры. // Вестник КрасГАУ. – 2011. – № 5 (56) – С. 197 –204.
4. Ковалева Л.И. Игровой механизм. Его экспликации социального пространства. // Молодежь и наука XXI века: мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Красноярск, 20-22 мая 2004г. – Красноярск: РИО КГПУ, 2004. – С. 283 – 285.
5. Ковалева Л.И. Развитие личности дошкольника в пространстве игры. // Развитие личности дошкольника в условиях обеспечения качества дошкольного образования. Мат-лы науч.-практ. конф., Зеленогорск, 2004. – «Центр развития ребенок – детский сад» Зеленогорск, 2004. – С. 35 – 37.
6. Ковалева Л.И. Познавательные аспекты игры в пространстве социальных коммуникаций. // История, культура, общество: мат-лы Всеросс.заоч. науч. конф. / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2004. –С. 311 – 314.
7. Ковалева Л.И. Социально-философский статус понятия «гендерные игры». // Проблемы обществоведения: Мат-лы VI межрегион. науч. конф. аспирантов и соискателей. Март, 2005. / под общ. ред. проф. В.Х. Беленького, ГУЦМиЗ. – Красноярск, 2005. – С. 15 – 19.
8. Ковалева Л.И. К вопросу отображения сексуально-ориентированного дискурса в пространстве гендерной оппозиции. // Речевая агрессия в современной культуре: Сб. науч. тр. / Под общ. ред. проф. М.В. Загидуллиной, Челябин. гос. ун-т. – Челябинск, 2005. – С. 22 – 27.
9. Ковалева Л.И. Ресурсы игры как превентивного средства в решении проблем раннего сопровождения. // Проблема раннего сопровождения детей с трудностями в развитии: Сб. ст. – Красноярск РИО КГПУ им. В.П.Астафьева, 2005. – С. 44 – 51.
10. Ковалева Л.И. Социокультурные потенциалы игры в контексте перспективы развития информационного общества. //Наука, образование в системе культуры: мат-лы Всеросс. заоч. науч. конф. / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2006. – С. 281 – 285.
11. Ковалева Л.И. Дискурсы «мужская воля» и «женское тело» как конституирующие элементы модели гендерных игр. // Экономика. Бизнес. Психология: региональный межвузовский журнал. – 2006. – № 10 – 11.– С. 259 – 270.
12. Ковалева Л.И. Экспликация феномена власти в пространстве гендерных отношений: философский анализ// Проблемы обществоведения: мат-лы VII межрегион. науч. конф. аспирантов и соискателей, Май 2006. / под общ. ред. проф. В.Х. Беленького, ГУЦМиЗ. – Красноярск, 2006. – С. 19 – 26.
13. Ковалева Л.И. Воспитательный потенциал эстетизации игры. // Инновации в системе непрерывного профессионального образования: мат-лы Всерос. науч.-метод. конф./ Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2006. – С. 159 – 168.
14. Ковалева Л.И. Современное поколение в зеркале гендерных ролей. // Образование и социализация в современном обществе: мат-лы V Всеросс. науч. конф., посвящ. 75-летию КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красно-

ярск, 22 – 23 марта 2007 г.: в 3 т. / М.И. Шилова (отв. ред.); ред. кол.; КГПУ им. В.П. Астафьева. – Т. 1. – Красноярск, 2007. – С. 38 – 44.

15. Ковалева Л.И. Резонанс процессов глобализации в менталитете современного человека. // Компаративистские исследования и кросскультурный подход в науке и образовании: сб. ст. Всеросс. междисципл. сем. с междунар.участ., 2 – 4 июля 2008 г. / Новосибирский гос. пед ун-т – Новосибирск, 2008. – С. 51 – 64.

16. Ковалева Л.И. Игра актера как репрезентация драмы жизни // Театр и современность: сб. ст. Межрегион. симп., 19 – 21 апреля 2008 г. / Академия музыки и театра. – Красноярск, 2009. – С. 84 – 91.

17. Ковалева Л.И. «Агонистика» как ментальный маркер греческого сценического искусства // Театр и современность: сб. ст. Межрегион. симп. 19 – 21 апреля 2008 г. / Академия музыки и театра. – Красноярск, 2009. – С. 92 – 98.

18. Ковалева Л.И. Гендерно-игровая парадигма как феномен инновации социогуманитарного знания. // Инновации в системе непрерывного профессионального образования: мат-лы Всеросс. науч.-метод. конф./ Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2009. – С. 583 – 592.